

Группа только что вернулась с триумфальных гастролей по балканским странам, в театре полным ходом шёл ремонт к юбилею, но, несмотря на занятость, директор и художественный руководитель театра – Владимир Дмитриевич Словохотов – согласился дать интервью нашему журналу. И вот 25 июня состоялась встреча, в которой приняла участие и заведующая литературной частью Татьяна Васильевна Коростелёва.

Владимир Дмитриевич был в хорошем настроении на мой вопрос, с чего начать разговор – с театра или с него, ответил мягким баритоном красивого тембра шуткой: «С меня. Я родился немножко раньше театра – лет на тридцать с небольшим». Подтверждаю: это было абсолютной правдой: официальный день рождения театра 1 сентября 1989 года, а Владимир Дмитриевич родился 4 мая 1955 года в деревне Сергеевка Майского района Красноярского края в семье учителей, поступил в Красноярске в Театральное училище искусств, а затем окончил Театральный институт в Ташкенте.

Т.Л. – И дальше путешествовали по многим театрам страны: Омска, Улан-Удэ, Рязани, Саранска, Ташкента, Тулы?

В.С. – Нет, это не путешествие, это была дорога... Осмысленная дорога за каким-нибудь режиссёром, какой-нибудь театральной историей. Тогда страна предполагала движение для артистов. На этой дороге всё хорошо было обустроено. Моя жизнь сложилась удачно, успешно. За тот небольшой пятнадцатилетний актёрский период моей карьеры – актёрской карьеры – я сыграл огромное количество ролей, знаковых ролей, которые возможны были лишь в то время. Я родился в учительской среде, у меня не было никаких связей ни актёрских, ни киношных. Был, как все. На этом пути я встретил людей, которые научили меня быть артистом, рассказали мне, кто такой Володин Александр Моисеевич, кто такой Пастернак. Я многое узнал от этих людей – от Ксении

Владимировны Грушвицкой, театрального петербургского режиссёра, выдающегося педагога и Давида Лазаревича Либуркина, замечательного режиссёра, который пригласил меня к себе в Ташкентский театр, где я сыграл у него много интересных, запоминающихся ролей. Позже он работал с Георгием Товстоноговым. Эти люди серьёзно повлияли на мою актёрскую жизнь. С их уходом – физическим уходом из жизни – мне стало неинтересно работать, своего режиссёра я так и не встретил. От предложения Зиновия Яковлевича Корогодского я отказался, даже не знаю почему. Но я был счастлив, когда в выступлении на 10-летнем юбилее театра он сказал: «Я рад, что ты отказался, Володя. Иначе ты не создал бы этот театр». Всё, что ни делается, делается к лучшему, хотя это был один из немногих театров, о котором я мечтал.

Ленинградский ТЮЗ времён Корогодского – блистательный театр. Мне особенно нравилась его труппа. Не случайно в первые годы моей работы в Театре сатиры на Васильевском здесь сразу появились и Антонина Николаевна Шуранова, и Саша Хочинский, её муж. Блистательные артисты. Театр начинался с таких людей. Что касается ещё моей актёрской биографии, она довольно простая. Я играл хорошие роли по тем временам: Ленина, Глумова. Есенина, Валентина в спектакле «Валентин и Валентина»... Это было довольно серьёзно. Параллельно я занимался административной работой, в 22 года я стал зам. директора Новомосковского государственного театра, в 23 года – директором Саранского драматического театра, республиканского театра, где Роман Савельевич Малкин оставил мне своё наследство и ушёл сюда в Малый драматический театр. Великий директор, легендарный директор! Я ушёл из театра, приехал сюда, в Питер.

Т.Л. – Тогда был, наверное, ещё Ленинград? В каком это было году?

В.С. – Да, это был Ленинград. Впрочем, для меня он и сейчас Ленинград, так и не стал Питером. Питер – это совсем другой город, который мы с Вами не застали. Я приехал сюда не в театр. Меня пригласил мой товарищ в Биг-квартет «Секрет». Была создана театральная студия при Биг-квартете «Секрет», которая выросла в этот театр.

Т.Л. – Возвращаемся к Вашему детству. Как вы дошли до жизни такой, что, будучи сыном учителей, решили стать артистом? Вы постоянно участвовали в школьной художественной самодеятельности? Или как? Что побудило Вас поступать в театральное училище?

В.С. – У нас была не простая учительская семья. Папа из очень красивой семьи, бабушка Лидия Иллиодоровна окончила Киевскую консерваторию и была оперной певицей. Она вышла замуж за дедушку, ушла из театра. Дедушка был сыном настоятеля Оренбургского собора, протоиерея. В 1920-м году они от репрессий на духовенство уехали в Китай. Папа родился по дороге в Китай. Они остановились в Баргузине и там жили; слава богу, остались живы. Из Китая потом всех вернули и расстреляли. Бабушка работала учительницей, литературу преподавала в школе. Бабушкин родной брат работал директором театра, собирал трупы. И поэтому была такая связь с актёрской средой. А подействовал на меня такой эпизод, когда я захотел стать артистом. Мы жили в деревне в Красноярском крае, и к нам приехал Каннский драматический театр, – это город в Красноярском крае, – они привезли пьесу Нушича «Госпожа министерша». Мне было лет семь. Клуб в деревне был маленький, зала не было. И тогда старое хранилище зерна переделали под театр на один спектакль. Я много раз об этом говорил – вот это ощущение красоты, по тем временам сказочной красоты...

Т.Л. – Конечно, такое впечатление, когда ещё там не было телевидения, только кино иногда в клубе...

В.С. – Ничего не было... И вдруг костюмы, грим... Запах грима перемешался с вековым запахом зерна, яркий свет прожекторов. Я с этого момента точно знал, что буду актёром. Дома играл в театр, лепил из пластилина театр, сцену и прочее... После десятого класса я и думать ни о чём другом не стал, пошёл и поступил. Четыре слова сказал, мне педагог сразу говорит: «Ну, заходи». Сейчас у нас областной театр. И я думаю, что, когда мы катаемся по области, возим спектакли – различные спектакли: и сказки, и вечерние спектакли, наверняка какой-нибудь мальчик, увидев наш спектакль, тоже захочет быть артистом. И вот, если мы где-то на земле заронили четыре – пять интересов, то уже театр живёт не зря. Мне кажется, что у нас в этом смысле очень хорошая профессия, очень хорошая. Она даёт для страны надежду хоть на какое-то светлое будущее, хоть что-нибудь светлое в беспросветном этом лицемерном мире. Казалось бы, театр это такое враньё, а на самом деле – это очень серьёзная история, очень серьёзная, честная... Я не сравниваю это с церковью, потому что идея одна, но постижения разные. В театре можно вместе с артистами играть, в церкви вместе с батюшкой нельзя. Не буду сейчас проводить параллели. Я считаю, что вот этот мальчик, который увидел «Госпо-

жу министершу»... Как это было лихо выстроено, какие молодцы! Да и весь спектакль такой живой, красивый... Он до сих пор у меня в глазах стоит. До сих пор и запах зерна, и красота театра ... А потом из Улан-Удэ, моего первого театра, меня попросили летом три месяца поиграть в Канске. Я с радостью согласился. Там надо было мне играть главную роль на гастролях по сельской местности. Я приехал туда и увидел тех самых артистов, которые играли тогда. Я рассказал им эту историю, они ничего не помнили. Да и в деревне не помнили ...

Т.Л. – Это понятно: для них это был один день из жизни...

В.С. – Да один день из жизни. А для меня он стал началом всего. Я от этого запаха, знаете ли, и этот театр строил. И если что-то получилось, то получилось. Всегда есть определённая атмосфера театра. Пытаюсь, чтобы он был замешан на любви, а там уж как получается.

Т.Л. – Можно Вам задать такой личный вопрос, Вы – православный человек с детства или, как говорят, «воцерквлённый в период перестройки»?

В.С. – Я православный человек. Мы в какой-то момент всей семьёй – с женой Олей и двумя дочерьми – в Рязани, это был глубокий Советский Союз, пошли в собор и покрестились. У меня была потребность в этом. Я в то время играл такую пьесу : «Не знал, не состоял ...» с партийным билетом. Пришло сознание, что это нужно сделать.

Т.Л. – А в детстве Вас не крестили?

В.С. – Не знаю. Скорее всего – нет. Родители – учителя. Их просто бы выгнали из школы. Я узнал, что у папы отец из дворянской семьи, а бабушка – протоиерей, только после перестройки. Отец ничего нам не говорил, просто не хотел портить судьбу: ну, какой Ленин, если я поповский внук? Собор на берегу Оки красоты фантастической. Но это не главное. Главное то, что когда в церкви запел хор, весь хор состоял из артистов филармонии. Рязань – город маленький, меня там все знали, я был ведущим артистом театра. А я так серьёзно к этому отнёсся. Я смолоду верующий человек. Близкий наш семейный друг – отец Александр, настоящий верующий человек, он служил здесь, а потом уехал в Новгород в Софийский собор. Я в Новгороде всегда захожу к нему. Но это мне надо. Я очень редко бываю в церкви. Но там совсем другая аура. Это настолько тонкий вопрос, настолько личный... Я никогда не осуждаю тих ребят, которые шкодят в церкви, служба. У них разговор с Богом будет очень серьёзный,

и Там им придётся отвечать за всё, в отличие от нас грешных, которые всё-таки не давали обещаний. Как говорится, Бог им судья. А я не понимаю, как можно жить без веры, мне кажется это очень сложно жить неверующим, очень сложно. Это нужно быть таким серьёзным, таким взрослым и таким мощным человеком, чтобы прожить без веры.

Т.Л. – Всё вера: и коммунизм – вера, и марксизм – вера, и атеизм вера...Только другая.

В.С. – Я никогда не был коммунистом, но не потому, что я был диссидентом, да и комсомольский билет никогда не знал, где лежит. А сейчас считаю, что время молодого Брежнева было лучшим временем для страны, по крайней мере, не таким циничным, как сегодняшнее.

Т.Л. – Владимир Дмитриевич, Вы были успешным актёром, совмещали сцену с административной работой, а когда Вы заболели режиссурой? Товстоногов называл это желание актёров болезнью.

В.С. – Никогда. Я так не простужался. У меня никогда не было желания поставить ни одного спектакля. Это отдельная профессия, которая даётся богом и кем-то ещё. Если ты хороший артист, это ещё не даёт тебе права быть режиссёром. Это совсем другая работа. Никогда не мог понять, как, из какого сора родятся «стихи» у режиссёров. Никогда не мог понять: мы смотрим на одну и ту же историю, он придумывает, а я ничего придумать не могу. Комплекса неполноценности у меня никогда не было по этому поводу, я не собирался за счёт ассистентов, красивой музыки, блистательных артистов выстраивать свою карьеру как режиссёра. Я считаю, что моё достоинство, если оно есть, состоит в том, что я пригласил в театр талантливых режиссёров, в том числе молодых, и мастера – Володя Туманов у нас работает – и Денис Хусниров. Талантливые ребята. Мне кажется, что создать им условия для работы – это моё дело. Я вижу их спектакли, вижу студентов, которые сегодня учатся у нас на курсе, я вижу то поколение молодых артистов, которые стали средними. Блистательные актёры старшего поколения. Пришлось потратить много сил, чтобы собрать всех. И Володя, и молодые ребята они берут, берут, добавляют... Поэтому получился театр. Режиссура? Я умею это делать, как любой артист, но умею это делать, наверное, плохо, а плохо делать не могу.

Т.Л. – 15 лет на сценах. А потом не было ностальгии, никогда не возникало желания выйти на сцену и посмотреть на зрителей?

В.С. – Никогда. Не снились мне сны, что я на сцене. Никогда. Я настолько был влюблён в режиссёров, с которыми работал. И потеряв их, я потерял интерес к этой профессии. Я никогда не испытывал чувство огорчения, что за кулисами или в репетиционном зале идёт репетиция без меня. Я не испытывал и чувства радости. Но то, что этот процесс мне был известен изнутри, что я был по ту сторону рампы, даёт мне право заниматься той профессией, которой я занимаюсь. Это не техномонизация: человек много лет работал на овощной базе, а потом пришёл руководить театром. Я много лет работал актёром, я знаю, что это такое, мне знакомо чувство, когда капля пота стекает от шеи по всей спине перед выходом на сцену, сколько бы лет ты ни проработал. Но в то же время надо вовремя уходить, когда ты не чувствуешь внутри потребности выйти на сцену. У меня такой потребности нет. Я разлуку с театром заполняю другим – много читаю, особенно пьес, много занимаюсь театром. Всю жизнь потратил на эту историю. Театр же – бесконечная работа, просто бесконечная. Я даже не знаю, честно говоря, из чего соткана моя профессия, я знаю, – *без меня нельзя*. Это я точно знаю, не потому, что я такой. Профессия такая. Кто-то должен на этом месте заниматься вот этим. Но в театре, как только почувствуют, что ты глуп или необразован, или, что ты не туда ведёшь, артистов же ничто не держит. Они раз – и завтра во всех других театрах. Я даже перечислять всех не стану. Неужели Ицкову нужно долго устраиваться? Или Кутасову, Малягиной, или Цыпину? Не буду всех перечислять, это огромная труппа. Они в течение пятнадцати минут – в другом театре.

Т.К. – Их и приглашали .

В.С. – Много раз, в разные театры города. Я не могу ответить, какой профессией я занимаюсь. Я сам до конца ещё не знаю, чем я занимаюсь, но я точно знаю, что я им нужен и они мне очень нужны. Театр – это команда. Ответственность колоссальная, потому что нужно каждый раз соответствовать новой истории, новому движению. Мне приятно, что мне удаётся их обеспечивать, чем не могут похвастаться руководители других театров , не буду открывать всех секретов. Сейчас я расскажу Вам о состоянии сегодняшней труппы. У нас был недавно балканский тур. Мы проехали Сербию, Боснию, Черногорию, Герцеговину, все Балканы. Блистательный тур. «Мещане» прошли просто с потрясающим успехом. Оттуда мы должны были улететь в Москву и улетели, и на фестивале Серёжи Безрукова “Фабрика Станиславского” должны были завершать фестиваль «Мещанами». Актёры прилетели все, все страны прошли, Эстонию, Литву, декораций нет. На эстонской границе нас не пропустили. Вы представляете себе ?! 1200 мест зрительный зал. Закрытие фестиваля. Вся элита Москвы слита в зрительном зале... К нам не пришли декорации.

Т.К. – Ни декораций, ни реквизитов, ни костюмов – *ничего*.

В.С. – Все в шоке. Катастрофа. И Туманов принял решение играть спектакль без декораций и костюмов, в своём. Представляете, 12 стульев и пустая большая сцена. А декорации красивые, костюмы...

Т.К. – Великолепная сценография.

В.С. – Идёт спектакль. То, что в антракте никто не ушёл, – это показатель. Люди интеллигентные... В антракте могли бы сказать – Спасибо, Саша... А в финале устроили такое! Такие овации!

Т.Л. – Они знали, что это вынуждено? Или думали, что такая постановка?

В.С. – Вышел главный режиссёр и сказал: «Ребята, у нас вот такая история – не пришли декорации, не пришли костюмы, но здесь “Фабрика Станиславского”, и мы решили играть». Через 10 минут все забыли, что актёры без грима и декораций. Мне Ицков, наш артист, сказал: «Вы знаете, Владимир Дмитриевич, если бы этого не было, надо было бы это придумать». Конечно, этот спектакль повторить нельзя, это стрессовая ситуация, но вот сегодняшнее состояние труппы. Я ещё раз акцентирую Ваше внимание на том, что это Москва, это закрытие фестиваля у Серёжи Безрукова, известного театрального деятеля, в зале – огромное количество театроведов, критиков... Э то сегодняшнее состояние труппы, Я не думаю, что

какой-то театр может сегодня сделать подобное. Очень сложно. Думаю, что только театр Петра Наумовича Фоменко смог бы это сделать, потому что это был театр, «руками изготовленный».

Т.Л. – Это настоящий героизм.

В.С. – Да, так и пишут – «театральный героизм». А представляете, если бы спектакль не получился, и люди встали бы и ушли? Критики в соседнем театре, не буду называть его, встали и ушли со словами: «Не будем смотреть это безобразие». Они живые, нормальные люди и имеют на это право, зачем им мучиться и страдать по этому поводу. Это такая точка отсчёта, характеризующая состояние труппы, режиссуры. Конечно, взять «Мещан» после спектакля Товстоногова, это уже ... Не просто сыграть его. Я как артист просто не представляю себе, как это сделать. Наверное, в экстремальной ситуации сыграл бы. Это к вопросу о состоянии труппы, чем можно гордиться сегодня. Вот моя профессия. Она предполагает вопрос, ты всё сделал? Таможня. Мы, то есть наша власть, договорилась с Белоруссией, мы взяли машину, сопроводили её до Смоленска... А там всё. Конечно, наша система вызывает порой просто шок. Но мы победили по-другому, сыграли спектакль, показали его зрителям. «Фабрика Станиславского» – там были студенты всех вузов. Татьяна Васильевна об этом знает больше. Говорили, что там все аплодировали, стоя, – студенты, педагоги. В их истории такого никогда не было. Была сделана запись этого спектакля, нам её прислали. Сегодняшнее состояние театра. Можно сказать это то, к чему мы шли 30 лет.

Т.Л. – Вернёмся назад. Какая у Вас была концепция театра при его создании?

В.С. – По-разному. В каждые годы по-разному. Театр сатиры. Все спрашивали, а почему театр сатиры? Конечно, я немного хитрил, чтобы получить здание, говорил – в Москве есть театр сатиры, а в Питере у нас нет, чем мы хуже, в конце концов.

Т.Л. – А разве у нас нет театра сатиры? А театр Андрея Миронова на Петроградской?

Т.К. – Это не театр, это антреприза.

В.С. – Я вообще не рассматриваю театр Миронова как театр. Я считаю, что это напёрсточники, и история расставит всё по своим местам. А что касается спектаклей, – собрать из города лучших артистов и зарабатывать на них деньги, тут много ума не надо. Репертуарный театр в нашей истории – это долгий путь, это концепция. А концепция заключается в ежедневной работе, ежедневном тренинге, хорошей драматургии, никакого бульварного романа и

пошлого анекдота... Если говорить о театре, то театр должен быть очень серьёзным, по крайней мере, драматургия быть серьёзной. Талант сыграть – это уж как бог даст. Я немножко сурово это воспринимаю, но считаю, что это моя жизнь, моя судьба, не терплю мошенничества, я не о финансах сейчас говорю, о театральном мошенничестве. Я не понимаю, как можно сегодня управлять театром, не имея к этому никакого отношения. Мы положили жизнь на это – с семнадцати лет до сегодняшнего дня. Антреприза имеет право быть. Но театр – это театр – Комиссаржевской, ТЮЗ...

Т.Л. – Комедии?

В.С. – В разные периоды жизни по-разному: Акимов, Фоменко Пётр Наумович, да и Дима Астрахан пытался что-то сделать, хотел поначалу... Театр – это театр, и в разные периоды жизни он иной. БДТ, например, Александринка...

Т.Л. – БДТ сейчас практически недоступен той публике, которая раньше ходила в театр: билеты от десяти тысяч до двух на последний ряд галёрки!

В.С. – Я тоже этого не понимаю. Государство финансирует эти проекты, даёт огромные деньги. Если заработная плата 11 тысяч, а билет стоит 10, для кого этот театр? Я много раз об этом говорил на телевизионных передачах. Для кого этот театр? Кому они хотят показать этот спектакль? Этим ребятам, у которых и так всё есть?

Т.Л. – Валерий Гергиев находит какие-то варианты, у него есть льготные места для нищей нашей интеллигенции, заранее покупаешь билеты... А в БДТ я сейчас столкнулась, у меня, честно говоря, волосы дыбом встали.

В.С. – У нас есть билеты и по 500 рублей.

Т.Л. – Всё-таки основная концепция Вашего театра это сатира?

В.С. – Нет, нет. Я уже Вам сказал, что это было нужно, чтобы получить здание, потом некоторое время была уже привычка – сатира, сатира... Но потом пришло осознание, что мы начинаем обманывать зрителя – идёт на сатиру, а приходит на Достоевского, Островского, Чехова... Какая это сатира? В лучшем случае – комедия. В общем, набрались мужества и отказались, сатира как таковая, меня всегда мало интересовала. Политическая сатира меня не интересует, это вообще не вид искусства, а КВН... Театр Райкина он один...

Т.К. – Да и у него это больше эстрада.

В.С. – Сейчас в репертуаре нашего театра не только классика, но нам проще: мы не повторяемся, мы – театр молодой, и, чтобы мы ни сделали, у нас всё заново. Слава богу, что мы живём среди

потрясающих авторов, и до конца ещё не освоили и тех, кого совсем недавно не стало – это и Вампилова, и Рощина, и Розова, и того же Володина...

Т.Л. – То есть, у Вас проблем с репертуаром нет?

В.С. – Проблемы с репертуаром есть у всех театров. Много авторов, но нечего ставить, это как женское платье – и повесить некуда и надеть нечего. Это я со слов моей жены... То же самое с репертуаром театра. Есть вещи, которые мы не можем себе позволить сейчас, потому что ещё не готовы, есть вещи, которые нас не интересуют, повторюсь, мы никогда не опускались до бульварного романа, до пошлости, никогда, хотя не было и ханжества, если это надо по сюжету. Мы никогда не опускались до того, чтобы сидящие с тобой юноша или девушка опускали глаза. Я никогда не видел такой необходимости ни со стороны сцены, ни зрительного зала. Недавно у нас был спектакль Жени Марчелли из Ярославля «Кто боится Вирджинии Вульф?». Но там эта сцена была за плёнкой, это было так красиво и профильно, что никого не шокировало. Был латвийский театр пластики, очень красивый спектакль, наверное, там что-то было, я даже не помню, меня настолько не интересуют эти мужские проблемы, но так было красиво сделано, что не стыдно и ребёнку показать, и взрослому посмотреть. Но мы никогда не шли по этому пути, и голые шуты у нас по сцене не бегали. Никогда. Я не могу представить себе, чтобы мы раздели артиста, и он бегал по сцене голый, потому что за это за границей платят деньги.

Т.Л. – Можно, наоборот, одеть артиста. Я недавно в Александринке смотрела «Маскарад», где вот эти сцены идут в стеклянных клетках.

Т.К. – «Маскарад» очень красивый спектакль, на мой взгляд.

Т.Л. – Красивый, в костюмах А.Я. Головина.

В.С. – Меня это мало интересует. Возвращаюсь к «Мещанам». Можно их сыграть без костюмов? В театре суть – мастерство актёров, драматургия, а всё остальное – может быть тоже красиво, но это не театр, а шоу.

Т.Л. – Я примерно также восприняла «Маскарад». Я написала: кое-что от Лермонтова всё-таки осталось, но это красивое шоу.

В.С. – Это не мошенничество, это просто такой взгляд на театр. Но мне кажется, что в театре важно то, чем мы занимаемся сегодня. В театре интересен актёрский процесс, режиссёрский, возвращаемся к петельке с крючком, когда выстраивается единое целое. Этим сейчас мало кто занимается. Но нам это интересно.

Т.К. – Нас, собственно, и пригласили на «Фабрику Станиславского», увидев наш спектакль, поскольку это действительно в чистом виде был Станиславский.

В.С. – Нам единственным. Судьба так распорядилась. Перед этим режиссёр в монастыре купил образ Николая угодника, чудотворца. Он говорил, что, наверное, это он был с нами.

Т.Л. – Как покровитель путешественников? Ещё один вопрос – выбор авторов. На сайте театра я прочитала, что у театра персональный договор с Улицкой. С чем связан выбор именно Улицкой?

Т.К. – С Улицкой мы были связаны, конечно. Да, она наш автор. Театр успешно поставил спектакль «Русское варенье», который идёт с большим успехом и по сей день. Она увидела этот спектакль, после чего нам единственным дала разрешение на постановку спектакля по своему роману: «Даниэль Штайн. Переводчик». И наш театр – единственный в мире, который этот спектакль поставил, получил Золотой софит, номинировался на Золотую маску, объездил массу фестивалей.

В.С. – И премию Правительства получил. Она очень хороший автор, сложный, бесконечно сложный и не театральный. Но вот вышли как-то на эту совместную историю. Нет, не только Улицкая.

Т.Л. – Это дама либерального плана. Судя по репертуару театра, Вы стараетесь нести какие-то идеи, воспитывать зрителя. А что-нибудь более патриотическое есть в репертуаре?

В.С. – Мне кажется, что Чехов, Достоевский – это и есть патриотическое направление.

Т.Л. – Это классика. А современное?

В.С. – Современное? Мы как-то не откликались в последнее время. Либо не было пьес такого уровня, такого класса, либо мы её не поняли, может быть, через какое-то время она станет классикой...

Т.К. – А чем не патриотическая пьеса «Петербург», посвящённая нашему городу, его культуре, его людям...

В.С. – «Петербург»? О, да!

Т.Л. – По Андрею Белому?

Т.К. – Нет, это современный автор, молодая очаровательная женщина Юлия Тупикина. В пьесе оживает Петербург, его уголки... С ней у нас продолжаются отношения. Она для нас пишет сейчас пьесу.

В.С. – Пьеса «Танцплощадка» – семидесятые годы. Здесь есть такая история, спектакль получился прекрасный, актёрские ра-

боты очень хорошие. Я не могу сказать, что нет пьес. Такого не бывает в такой стране, как наша. Их полно, их очень много. Но чтобы совпало – и взгляды на театр, и режиссёр, и труппа – это очень сложно. Тем более, что хочется и «Женитьбу» поставить Гоголя, и «Мёртвые души» сейчас поставил Денис Хусниязов. Столько любопытного материала, который мы ещё не сделали. Что касается современных пьес, то, что я читаю, иногда просто сразу отбрасываешь с отвращением. Какая-то грязь бесконечная, мат. Я его терпеть не могу, на сцене просто не выношу...

Т.Л. – Так президентом запрещено.

В.С. – Нет, что Вы. Восемнадцать плюс – и делай, что хочешь. Есть, конечно, какие-то вещи, где они органично вписываются. Но когда на этом всё строится, – мы же не анатомический театр, зачем нам это надо.

Т.Л. – На сайте театра я увидела информацию о том, что у вас 26 лет шёл легендарный спектакль «Еврейское сватовство», но закончилась лицензия, и он был снят из репертуара. Просветите меня, что это за легенда, я, к сожалению, ничего об этом не слышала.

В.С. – Замечательный спектакль. Мы его совсем недавно сняли. Дело в том, что там идёт разговор о невесте. Когда мы его ставили, актриса действительно была невестой. Теперь у нашей замечательной актрисы Танечки Башлаковой уже скоро внуки будут, и поэтому приходит время... Менять её невозможно – это был спектакль, сделанный под неё. В этом причина ухода. Пьеса замечательная, очень трогательная, красивая, очень хорошая пьеса. Автор Йосиф Бар-Йосиф приезжал, смотрел, ему очень понравился спектакль, сказал – «потрясающе». Тогда в нём ни одного актёра-еврея не было, до этого он лично мне говорил: «Не сыграет русский человек, не сможет».

Т.Л. – Почему же? А «Тевье-молочник» с Михаилом Ульяновым?

В.С. – Хороший был спектакль, но мы не стали его восстанавливать, тянули до последнего, проводили его с любовью, со слезой.

Т.К. – Артисты плакали.

Т.Л. – Приближается юбилей – 1 сентября. Как Вы готовитесь его отметить?

В.С. – Мы отметим его в узком семейном кругу. У нас начался ремонт, реставрация зала, мы получим новый красивый зал, сцену новую получим. Ради этого мы готовы перенести официальный юбилей. В области сыграем спектакль, а потом – капустник. Сделаем два таких вечера – один для наших коллег, друзей, теа-

тральных деятелей, а официальный праздник мы проведём в Ленинградской области.

Т.Л. – Какой спектакль будет юбилейным?

В.С. – Я думаю, что «Мещане», теперь мы можем их играть без декораций, – улыбнулся Владимир Дмитриевич. – Мы готовим к юбилею выпуск серии книг о наших артистах – о Юре Ицкове, о Саше Хочинском, Антонине Шурановой. Татьяна Васильевна сейчас этим занимается.

Т.К. – Первая книга из этой серии уже вышла «Полёта вольное упорство. Театр на Васильевском: пути и судьбы» (СПб, 2017).

В.С. – Сейчас нам предстоят юбилейные гастроли в Омске, в ноябре – тур по Прибалтике. Театр много путешествует и здесь, и за границей, потом фестиваль в Нижнем Новгороде. В конце апреля – мая наш фестиваль «ЛОФТ» (Ленинградский областной фестиваль театров – Т.Л.). В этом году мы провели удачно наш первый фестиваль. Уже есть предложения. В будущем году мы его разобьём на три этапа: первый «Дорогие мои москвичи» – это пять московских ведущих театров и пять спектаклей. Потом мы представим наших зарубежных гостей и друзей. Наверное, будут театры из Хорватии, из Парижа и из Германии. Это предварительная пока информация. И третье – это театры из Сибири, думаю, что это будет Красноярск, Марчелли Женю пригласим опять, он нам интересен, начинает ставить что-то новенькое. В ноябре мы открываем у себя Лабораторию: пять режиссёров будут с нашими артистами ставить пять пьес разных авторов. Виктор Рыжаков, один из самых интересных сегодня режиссёров, курирует эту Лабораторию. Мы смотрим спектакли и что-то оставляем себе в репертуар, если будет интересная постановка. Потом в финале нашего фестиваля «ЛОФТ» играем эту премьеру. Курс у нас есть свой, в прошлом году мы набрали свой курс в Театральной Академии.

Т.Л. – Я как раз хотела спросить, откуда Вы черпаете молодые артистические кадры.

В.С. – Оттуда. В этом году мы собрали пятнадцать человек, из всей России собраны ребяташки. У нас своё общежитие, принадлежит театру, мы их здесь кормим, у нас есть своя столовая, недалеко есть своя театральная школа.

Т.К. – Они занимаются с нашими педагогами.

В.С. – Вот мы и готовим таких ребяташек. Первый курс был десять лет назад у нас, а эти ребяташки через два года выйдут на сцену.

Т.Л. – «Ребяташки» какого возраста?

В.С. – Маленькие совсем, лет по семнадцать – восемнадцать.

Т.Л. – То есть всё-таки десятилетка?

В.С. – Конечно, конечно. Этот курс принадлежит институту на Моховой. Но выбираем мы, целевой курс. Туманов там мастер и два артиста. Один – ученик Спивака Сеня и Маша.

Т.К. – Маша наша выпускница.

В.С. – Поэтому это уже наша школа, своя. Очень хорошие ребяташки, замечательные. Они уже с ментальностью нашего театра, мы их очень лелеем, выращиваем.

Т.Л. – Какие премьеры у Вас были в этом году? Были или не были?

В.С. – Были.

Т.К. – Если говорить об этом сезоне, то это «Мёртвые души» в этом году и «Любовь» Петрушевской осенью прошлого года.

В.С. – Очень неплохой спектакль, молодой режиссёр Руслан Нанава. «Мёртвые души» поставил тоже молодой режиссёр Денис Хуснияров. Любопытный, очень интересный спектакль, сейчас с ним нам предстоит балтийский тур – Эстония, Латвия, Литва... Руслан приступает к Шекспиру «Сон в летнюю ночь» и что-то начнёт делать главный режиссёр, что-то из классического репертуара или большую современную пьесу... Мы все сейчас ищем, ищем, ищем.

Т.Л. – И ещё один вопрос я хочу Вам задать: у Вас есть хобби?

В.С. – Я в молодости начал собирать колокольчики, даже фильм был снят о моей коллекции на пятом канале. Сам режиссёр этого фильма придумал концепцию моей коллекции, сказав, что это голоса артистов. Это – голос Шурановой, это ... такого-то. И так далее. Мне так это понравилось, что, когда я посмотрел фильм, я с ним согласился. Дальше моим хобби было застолье на кухне. У нас было двое ребяташек, мы их растили вдвоём с женой, без бабушек, было сложно. Они не ходили у нас в садики, особенно старшая: нет – и всё. И вот мы её с рук на руки, жена тоже работала в театре завлитом. Все эти годы нам сложно было куда-нибудь выбраться. А такие домашние вечеринки стали моим хобби. Сейчас, правда, читаю одновременно четыре – пять пьес, хотя Татьяна Васильевна меня в этом щадит, дай бог ей здоровья. Она меня в этом бережёт. Но всё равно попадаетеся огромное количество пьес. Потом я должен прочитать современную литературу, перечитать то, что сейчас в театре ставится. 20-30 книг должен прочитать. Поэтому я завидую тем людям, у которых остаётся время на хобби. Вот только... Спать люблю. Это, пожалуй, всё.

Т.Л. – Ваши дети как-то связаны с театром?

В.С. – Старшая дочь непосредственно, она окончила Театральный институт по специальности театроведение, затем Финансово-экономический институт и теперь работает в нашем театре менеджером. Младшая окончила Академию госслужбы при президенте, вышла замуж, родила нам трёх внуков, с мужем уехала в Эстонию и счастливо воспитывает их. Замечательные ребята. Она получила второе юридическое образование, сейчас учит эстонский язык, который придумали пьяные заблудившиеся шведские школьники. Очень сложный язык. Муж старшей дочери доктор, младшей – компьютерщик. У нас очень дружная семья. Иногда где-нибудь собираемся все вместе. Я без них тоскую и мечтаю уйти на пенсию.

Т.Л. – И уехать к внукам в Эстонию?

В.С. – Нет, Эстония – это не моя страна, я там не смог бы жить. Эстония это очень красивая страна, очень социально защищённая и, если я Вам расскажу, как там живётся, Вы просто не напечатаете эту статью.

Т.Л. – Почему же не напечатаете? Обязательно напечатаете, девиз журнала «На русских просторах» – правда обо всём.

В.С. – В Эстонии социалка во много раз выше, чем у нас, во много раз. Я не хочу в это углубляться, чтобы это интервью не превратилось в русофобское.

Т.Л. – Какая же тут русофобия, если это правда? Нет проблем, я напечатаете.

В.С. – Вернёмся к хобби. Мне очень нравится Сербия, Босния, Черногория... Каждый год мы с женой садимся машину и едем по Европе, не по трассе, а заезжая в маленькие городки... Но очень короткий отпуск. Сейчас я тоже в отпуске. Но в театре ремонт, какой тут отпуск?

Т.Л. – И когда вы планируете закончить ремонт?

В ответ Владимир Дмитриевич вспоминает традиционную шутку о том, что ремонт нельзя закончить, и продолжает:

– Мы же только выиграли тендер. И надеемся, чтобы только попался честный человек. Надеюсь, к следующему сезону. От ремонта зависит всё наше будущее. Надо сделать новую вентиляцию в зале. У нас много проблем. Я очень благодарен Дрозденко, губернатору области, конечно, который *сам* предложил нам сделать ремонт. Город не имеет права нам помогать. Я рад, что мы в области. Нам очень серьёзно помогают. Достаточно сказать, что зарплата начинается с сорока тысяч. Это небольшие деньги, но

это начало. А дальше идёт, идёт, идёт... В три, в четыре, пять раз больше в зависимости от того, что люди вкладывают. Мы выпускаем пять спектаклей за счёт бюджета.

Т.Л. – Бюджета области? Министерство Вам ничего не выделяет?

В.С. – Министерство? Нет. Они только нам циркуляры регулярно шлют, причём один другого глупее. Если бы не было поддержки правительства Ленинградской области – губернатора Дрозденко, председателя Комитета по культуре Чайковского, театра не было бы. Мне грех жаловаться, они удовлетворяют все наши просьбы, причём не только мои, но и всех пяти областных театров. Я понимаю, что Ваш журнал не читают в министерстве культуры. Они вообще ничего не читают. Конечно, проблемы у нас есть. Вот, например, присуждение званий.

Т.Л. – Да, об этом все говорят. То идёт полоса – дают всем подряд, то – вообще никому.

В.С. – Татьяна Васильевна устала уже от моей цитаты: как-то Гёте написал письмо Гейне, если я не ошибаюсь: «Невежество – это демоническая сила, которая послужит причиной многих трагедий». Вот во всей красе. Не понимают природу ни театра, ни шоу-бизнеса, ни культуры как таковой. *Природу*. Кто может определить звание? Конечно, местный Союз театральных деятелей он не пропустит, а если пропустит, то только одного Фурманова¹. Как они его пропустили, непонятно. Он стал народным артистом России. А с другой стороны, если Фурманов – народный артист России, то, может быть, и не нужны такие звания? Есть молодые артисты, которые давно его достойны, у нас в частности. Не буду их перечислять. У нас их много, причём в самом соку, сыграв огромное количество ролей. А когда иметь это звание, если не сейчас? Кто-то, какой-то «дяденька» в Москве определяет, заслуженный это артист России или не заслуженный! Никак не могу понять, какое отношение к этому имеет министерство культуры. Что они могут определить в этом смысле? Во-первых, там специалистов нет ни одного. Это, меня просто убивает. Конечно, мы пытаемся поддерживать артистов, грамоты, призы на фестивалях, но это всё не то. Они хотят быть заслуженными артистами, знать, что их ценит страна и что они ей нужны.

---

¹ Фурманов Рудольф Давыдович – российский театральный режиссёр и актёр, продюсер, литератор, антрепренёр. Основатель и художественный руководитель – директор Санкт-Петербургского театра «Русская антреприза» имени Андрея Миронова.

Т.Л. – Вы упомянули капустник. Ваш театр продолжает традицию Николая Акимова – ежегодного капустника? Или будет капустник только к юбилею?

В.С. – Нет, не к юбилею. Мы каждый год играем капустник в день театра или в старый новый год уже 30 лет. Капустники – это форма развлечения всех, практически всех театров России в зависимости от интеллектуальных способностей. Они отражают нашу специфику, события в театре, понятны только нам и узкому кругу наших друзей. Чтобы понять наши капустники, нужно часто ходить к нам в театр на спектакли. Один раз в году собираемся на капустниках. Вообще, в последнее время стали редко встречаться. Мы играем 500 спектаклей в год и 107 спектаклей в области. 607 спектаклей! Это много.

Т.К. – В репертуаре сорок семь постановок.

В.С. – Сорок семь! Огромный контингент. У нас в штатном расписании *семьдесят два артиста*. Для маленького театра это большая труппа.

Мы прощаемся, я желаю театру и лично Владимиру Дмитриевичу преодоления ремонта и дальнейших творческих успехов, он приглашает меня почаще смотреть их спектакли. Мысленно подвожу итоги встречи. Владимир Дмитриевич – несомненно счастливый человек. Сам, без посторонней помощи в наше отнюдь не простое время реализовал детскую мечту стать артистом. Стал, достиг своей вершины, постоял, оглянулся вокруг, увидел следующую вершину. Создал театр, не просто театр, а театр, достигший признания и зрителей, и коллег. Думаю, что его мечта о пенсии – это скорее кокетство. Человек, *подаривший театр городу*, ещё долгие годы будет вести его к новым вершинам на радость зрителям.

А пока... На сайте театра появилась новая информация: «Спектакль «Мещане» номинирован на премию «Звезда театра»». Да будет так!